

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АННЕНКОВ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДРАМЫ «ЦАРЬ ФЕДОР
ИВАНОВИЧ», ТРАГЕДИЯ
ГРАФА А.К. ТОЛСТОГО

Павел Анненков

**Последнее слово русской
исторической драмы
«Царь Федор Иванович»,
трагедия графа А.К. Толстого**

«Public Domain»

1868

Анненков П. В.

Последнее слово русской исторической драмы «Царь Федор Иванович», трагедия графа А.К. Толстого / П. В. Анненков — «Public Domain», 1868

«Из многочисленных способов относиться к русской истории и к русскому народу, граф А.К. Толстой выбрал один из самых оригинальных, который уже доставил почетный успех первой его трагедии – «Смерть Иоанна Грозного» – и который также точно и теперь возбуждает общее сочувствие к новой исторической драме его: «Царь Федор Иванович». О ней-то именно и будем говорить здесь, считая посильный разбор ее делом не совсем бесполезным, ввиду того обстоятельства, что одобрение многочисленной образованной публики обеих наших столиц может, пожалуй, узаконить в литературе и некоторые недостатки того оригинального способа обращения с историческими эпохами и их представителями, который усвоен автором и поддерживается им с большим драматическим и поэтическим талантом...»

Павел Васильевич Анненков

Последнее слово русской исторической драмы «Царь Федор Иванович», трагедия графа А.К. Толстого

Из многочисленных способов относиться к русской истории и к русскому народу, граф А.К. Толстой выбрал один из самых оригинальных, который уже доставил почетный успех первой его трагедии – «Смерть Иоанна Грозного» – и который также точно и теперь возбуждает общее сочувствие к новой исторической драме его: «Царь Федор Иванович». О ней-то именно и будем говорить здесь, считая посильный разбор ее делом не совсем бесполезным, ввиду того обстоятельства, что одобрение многочисленной образованной публики обеих наших столиц может, пожалуй, узаконить в литературе и некоторые недостатки того оригинального способа обращения с историческими эпохами и их представителями, который усвоен автором и поддерживается им с большим драматическим и поэтическим талантом.

Способ этот, как известно, заключается в том, чтобы положить в основание трагедии один полный психический этюд главного действующего ее лица и сделать из всех явлений, из всего ее содержания, только подробности этого самого психического очерка или этюда. Таким образом создана была первая трагедия графа Толстого, в которой анализ характера Ивана Грозного составляет настоящую мысль и цель произведения. Читателям нашим не нужно напоминать, сколько драматической изобретательности, поэтических красок и счастливых сценических эффектов употребил в дело граф Толстой за эту обрисовку царя Ивана Васильевича, как он представлялся его воображению. Самый способ такого производства драмы не нов; в известной мере он употребляется всеми драматургами без исключения, но у графа Толстого он становится единственным и исключительным способом создания, поглощающим все его соображения и не оставляющим места в драме для других ее условий. Новая трагедия автора есть опять психический очерк царя Федора Ивановича; но проведенный, как нам кажется, еще с большею обдуманностью, с большею широтой кисти и с большим мастерством относительно обстановки портрета, чем даже великолепный очерк царя Ивана. Работа автору предстояла тут сложная и трудная.

Как бы ни казалась громадна личность Грозного в сравнении с личностью его духовно-немоного сына Федора, все же должно сказать, что психическая разработка Ивана IV как типа гораздо легче чем всякого другого, менее выразительного характера. В нашей истории и в народном сознании он представляется соединением множества пороков и отрицательных качеств, достигших тех необычайных размеров, когда они становятся доступны всем глазам и самому низменному пониманию. По простоте материалов, которые могут быть употреблены при его изображении и которые не требуют особенного разбора, он даже составляет клад для второстепенных писателей. Неистовые страсти со всех своих видах, кровожадные порывы зверя, пользующего безграничным простором, дикое самоуслаждение и коварное лицемерие, играющие своими жертвами, – все эти черты и другие, им подобные, принадлежат к разряду грубых психических элементов, легко понимаемых и легко передаваемых, именно вследствие их грубой ясности, простоты и осязательности. Вдобавок личность Ивана IV, по богатству своего мрачного содержания, имеет еще и то преимущество, что уже не может пострадать ни от какого наговора, что нет на свете такого чудовищного предположения, которое не могло бы найти в ней надлежащего места, с которым бы она не уживалась свободно. Работа за подобным характером есть работа в высшей степени благодарная, предмет освобождает автора от всякой ответственности, без труда и искания дает ему отличные краски и принимает на себя заботу о занимательности, оригинальности и потрясающем действии на читателей. Само собою

разумеется, что если за такую работу принимается значительный литературный талант, то, при поэтическом вдохновении и при способности к творчеству, характер Ивана IV откроет ему огромное поле для фантазии, психического анализа и трагических эффектов, как это мы действительно и видим в первом произведении графа Толстого.

Совсем другое дело предстояло с характером царя Федора Ивановича. Здесь надо было почти целиком изобрести, так сказать, его образ, сохраняя от предания одни только внешние очертания портрета. Так именно и поступил автор. История показывает нам Федора царем-причетником, отдавшим царство Годунову и замкнувшимся в сфере церковных обязанностей да потех, какие могла давать ему жизнь между дворцового челядью и населением, окружавшим тогда монастыри и церкви. На этом скудном и далеко не трагическом материале автор создал тип Федора, замечательный по своему внутреннему смыслу. Он сделал из него больного, не способного к труду и ограниченного человека, но с такими сокровищами сердца, с таким обилием любви к людям, и с такой ангельской простотой воззрения на себя и других, что этот немощный правитель часто возвышается до понимания характеров и до решений, превосходящих мудростью все, что около него подает голос и совет. Трагизм его положения заключается в бессилии его физической и нравственной природы, при самых благородных инстинктах и пожеланиях. Замечательно, что царь Федор второй трагедии графа Толстого служит как бы оправданием своего грозного отца, не пощаженного автором в первой его драме. Злобный мир, в котором Федору пришлось жить и действовать, видимо нуждается в железной руке для своего успокоения и для того, чтобы не дать ему расползтись врозь. Он теряется сам, когда не чувствует власти и воли, способных валить головы и водворять порядок при содействии палача. Федор был не от этого мира, да и не от какого мира вообще. Это не только правитель невозможный, это и человек невозможный – так все в нем или выше, или ниже обыкновенных условий человеческого существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.